

* * *

Я говорил в тиши с пустой дорогой,
Что есть во мне, и в ней, и в нас двоих.
Она казалась мне вдовой убогой,
Делившей всех на мёртвых и живых.

Но кто она? Истопанная пажить?
Иссохшая от старости тропа?
Она покой готова взбудоражить,
На ней коряги, ямы, черепа.

Она ведёт куда? Кто дал ей право
В крутых извилах за собой вести?
Она щедра, немыта, и лукава,
На ней исчезли воины, вожди,

И я по ней иду и шаг за шагом
Растрачиваю время, а потом
За лесом, за полями, за оврагом
Раскрытый настезь вижу отчий дом.

* * *

Святой мужик, пасущий вечно скот,
Скажи мне, что в тебе судьбой сокрыто?
Вокруг тебя всегда животных свита,
И каждый двор тебя в деревне ждёт.

Ты с виду пучеглаз, щетинист, хил
И много лет назад примерил старость.
Ты всю округу к Богу проводил,
Тебя спасают кротость и поджарость.

И кажется, что жизнь моя на две
Разделена, и не стихают встряски.
Подай мне наставления, подсказки,
Мне верится, что мы с тобой в родстве.

Взор пастуха зажётся и потух,
И мне раскрылась вереница связей.
Ушли по звёздам стадо и пастух.
Как звали его — Велес или Власий?

* * *

Сень родовых крестов
Слышу зовёшь, зачем?
Мне не найти слов,
Будто бы глух и нем.

В душу ко мне не лезь,
Что тебе до меня?
Молвь, почему я здесь,
Может моя родня?

Скрыта среди домовин,
Превращена в труху,
Что тебе за помин?
Нужен, как на духу.

Выли меж круч ветра,
Прошлого слышу зов,
Это в золе костра
Сень родовых крестов.

* * *

Я ждал небесных переключек,
Не заменяя время сном,
Под утро в опустевший дом
Явился Фёдор Власяничник.

Ушедших души в ранний час
Смиренны, собраны и строги,
За ним предстали на пороге,
Являя правду без прикрас.

Я слушал всё и обо всех,
Сгорели сумерки земные,
Промчалось время литургии,
И день усиливал разбег.

Вникая в таинства историй,
Я понимал, что мы родня,
Но души скрылись от меня
В затишье Родовых Угорий.

Бабье горе

В ночь я сбился с пути
И зашёл в крайний дом,
Запах мёда, кутьи
Расползается в нём.
И старушка Яга
Накрывает на стол,
Говорит: «Ходока
Господь Бог знать привёл.
Что стоишь, иль не рад,
Что попал на помин?

Это древний обряд,
Ты сворачивай блин,
Помяни горькой всех,
Не забудь и своих,
Пей до дна, то не грех.
Ты остался в живых,
И поэтому знай:
За тобой есть должок,
Да ещё выпивай,
Ты не свалишься с ног.

А должок твой таков:
Вплоть до Судного дня
Поминай мертвецов,
В сердце лица храня,
Сток прошлого вкус,
Только это твой крест.
Вижу я: ты не трус.
Если вдруг надоест,
Приходи ещё раз,
Призову вековых,
Чтоб ты слышал их сказ,
И твой взгляд не потух,
Чтоб ты понял, внучок,
Что такое война,
Сердце слёзно прожёт
Бабьим горем сполна,
Чтобы тысячи звёзд
Твой забрали покой,

Чтоб ты встал в полный рост
С неушедшей войной.
Чтоб на ней ты пропал,
Скрылся, сгинул, погиб,
И у всех, кто так ждал,
Голос мигом охрип,
Чтобы годы прошли,
И ко мне на помин
Не пришёл весь в пыли
Не рождённый твой сын».
Я сидел и молчал,
Покидал меня хмель.
Я пошёл на прогал,
Прямо в звёздный тоннель.
И встречали меня,
Говоря о войне,
Стражи Судного дня
В солнцеликом огне.

* * *

Наступит вскоре паутины лёт,
Покажется, что лето вновь напрасно
Связало мои дни крестообразно.
Они останутся, когда оно уйдёт
И будет на сырых дорогах грязно.

И на прощальный сев озимой ржи
Туманы приведёт летопроводец,
В поля заступит время безработиц,
Коротких дней, и холода души,
И звёзд, сковавших до весны колодец.

И буду говорить душе я вслух,
И в ожиданье скорого ответа
С печальной улыбкой домоседа
Почувствую тепло весны, и вдруг
Вернётся в сердце неземное лето.

* * *

Чародейные речи
О грядущем отлёте
Журавлиное вече
Заведёт на болоте.

Эти сроки настали,
Но выходят, однако,
В листопадном запале
По следам полумрака.

Прокурлыкают птицы
Тростнику и осоке,
Одиноким влюбиться
Уготовлено в сроки.

Посбиваются клином
Журавли над землёю,
Я небесным тишинам
Своё сердце открою.

* * *

Ты все, что имеешь, мгновенно отдашь,
Раскинув сердечные бредни,
Взойдешь на высокий языческий кряж,
И, луч провожая последний,

Увидишь, как сумрак играл в поддавки,
С лихвой упиваясь обманом,
И солнце, устав от свирепой тоски,
Прикинулось алым тюльпаном,

И ветер-отшельник, прощаясь, хрипел
У борта стареющей лодки,
И дым опоясал скалистый предел,
И ельник дрожал от чахотки.

И только тебе улыбались вослед
Мезень, Соловки и Онега,
Поморье покинув, ты был обогрет
Жемчужиной первого снега.

* * *

Светило в облачной оправе,	Приоткрывают небеса
В скупом повторе,	Молитвы грома,
Разрушит ледяные яви,	И опускается роса,
Сжимая море,	Вглубь ледолома,
И видит юный рыболов	И пробуждающий восход
Край горизонта,	Раскинет волок,
И среди розовых снегов —	В них угодивший оживет
Храм Феропонта.	Тепла осколок.